

Жорж Экоут

Замок Эскаль-Вигор

Жорж Экоут
Замок Эскаль-Вигор

«Public Domain»

1889

Экоут Ж.

Замок Эскаль-Вигор / Ж. Экоут — «Public Domain», 1889

«В тот год первого июня Анри де Кельмарк, молодой «Дейкграф», владелец замка Эскаль-Вигор, пригласил к себе большое общество по образцу радостного приезда, чтобы ознаменовать своё возвращение в колыбель своих предков, на Смарагдис, самый богатый и обширный остров, находящийся в этих обманчивых и героических северных морях, заливы и фьорды которых обременяют и врезаются в берега самыми прихотливыми и многочисленными архипелагами и дельтами...»

Содержание

Первая часть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Первая часть Аномалии графа де Кельмарка

I

В тот год первого июня Анри де Кельмарк, молодой «Дейкграф», владелец замка Эскаль-Вигор, пригласил к себе большое общество по образцу радостного приезда, чтобы ознаменовать своё возвращение в колыбель своих предков, на Смарагдис, самый богатый и обширный остров, находящийся в этих обманчивых и героических северных морях, заливы и фьорды которых обременяют и врезаются в берега самыми прихотливыми и многочисленными архипелагами и дельтами.

Остров Смарагдис находится в зависимости от полугерманского и полукельтского королевства Керлингандии. При образовании восточной торговли, здесь основалась колония ганзейских купцов. Род Кельмарков считал своими предками морских королей или датских викингов. Как банкиры, имевшие некоторые сношения с пиратами, как деятельные и опытные люди, они следовали за Фридрихом Барбаросою в его походах в Италию, и выказали глубокую привязанность и верность своему королю, из дома Гогенштауфенов.

Один из Кельмарков был даже любимцем Фридриха II, этого страстного императора, самого одарённого из романтического дома Швабии, отличавшегося глубокими мужественными мечтами севера среди светлой, залитой солнцем страны. Этот Кельмарк погиб в Беневенте вместе с Манфредом, сыном своего друга.

Большое панно бильярдной комнаты в замке Эскаль-Вигор до сих пор изображает Конрадина, последнего из Гогенштауфенов, целующим Фридриха Баварского перед тем, как взойти вместе с ним на эшафот.

В XV веке в Антверпене отличался своим богатством один из Кельмарков, в качестве королевского казначея, подобно таким лицам, как Фуггер и Сальвиати, и показывался среди этих знаменитых ганзейцев, которые приходили в собор или на биржу в сопровождении музыкантов, игравших на флейтах и виолах.

Замок Эскаль-Вигор, историческое и даже легендарное жилище, оставшееся от какого-нибудь тевтонского замка или итальянского палаццо, возвышается на восточном краю острова при пересечении двух очень высоких укрепленных набережных, откуда он кажется господствующим над всей страной.

С незапамятных времён, род Кельмарков считался владыками и покровителями острова. Охрана и поддержка знаменитых укрепленных набережных выпадала на его долю в течение целых веков. Одному из предков Анри даже приписывали устройство этих обширных земляных валов, которые навсегда предохранили страну от наводнений, именно от этих ежегодных наводнений, во время которых вода поглощает несколько соседних островов.

Только однажды около 1400 года, в одну ночь настоящего потопа, морской воде удалось прорвать часть этой цепи искусственных холмов, и её бешеные волны проникли в самую середину острова; по рассказам, замок Эскаль-Вигор был достаточно обширен и снабжён съестными припасами, чтобы служить убежищем и оплотом для всего населения острова.

В течение всего времени, пока воды покрывали страну, Дейкграф держал у себя свой народ, но когда воды удалились, он не только исправил на свой счёт набережную, но и заново выстроил жилища своим вассалам. Впоследствии эти почти пятисотлетние набережные приняли вид природных холмов. Они были обсажены на своём хребте густыми рядами деревьев, немного наклонёнными от западного ветра. Кульминационным пунктом было то место, где

два ряда холмов соединялись и образовывали нечто вроде площади, выступавшей в море, как шпора или нос корабля. Как раз на конце этого мыса возвышался замок. Со стороны океана, словно высеченная из камня набережная представляла из себя гранитную стену, которая напоминала величественные скалы Рейна, и из которой казалось был создан украшавший её замок.

При сильном приливе, волны омывали подножие этой крепости, сооружённой против водяных ужасов. Со стороны замка, обе набережные превращались в тихую равнину, и по мере того, как они удалялись, их разветвления образовывали долину, всё увеличившуюся и представлявшую из себя чудесный парк с рощицами, прудами, пастбищами. Деревья, никогда не подрезаемые, открывали широкие опахала, всегда колебавшиеся от порывов ветра. Бег ланей казался дикою молнией среди компактных зелёных луговин, где коровы щипали сырую и сочную траву оттенка текущей зелёной краски, от которой остров получил своё название Смарагдуса или Изумруда.

Несмотря на популярность рода Кельмарков в стране, за последние двадцать лет их владение оставалось необитаемым. Родители настоящего графа, два молодых и красивых существа, любили друг друга до такой степени, что не могли пережить один другого. Анри родился за несколько месяцев до их кончины. Его бабушка по отцу приняла в нём участие, но она не желала переезжать в эту страну с вредным воздухом и климатом, которым она и предписывала преждевременную кончину своих детей. Кельмарк был воспитан на континенте, затем, по совету докторов, его послали учиться в один интернациональный пансион в Швейцарии.

Там, в Боденбергском замке, где протекла юность Анри, он долгое время представлял из себя изящного блондина с лёгким оттенком малокровия и истощения на задумчивом и сосредоточенном лице, с большим выдающимся лбом, с щеками розового увядавшего цвета, преждевременным блеском в больших синих глазах, отличавшихся лиловатым оттенком аметиста, или пурпурных облаков и волн при закате солнца; очень большая голова давила под его воротничком опущенные плечи; у него были слабые члены и впалая грудь. Хрупкое сложение юного графа обрекало его на издевательства со стороны товарищей, но он избежал этого благодаря престижу его ума, престижу, который он внушал даже профессорам. Все уважали в нём его стремление к одиночеству, мечтаниям, его желание избегать общие скучные сборища, гулять одному в глубине парка, взяв книгу любимого автора, или даже, чаще всего, удовлетворяясь только собственными думами. Его болезненное состояние усиливало ещё его чувствительность. Мигрени, перемежающаяся лихорадка часто приковывали его к постели и отделяли от других на несколько дней. Однажды, когда ему было пятнадцать лет, он чуть не утонул во время одной прогулки по воде, так как один из его товарищей опрокинул лодку. В течение нескольких недель он был между жизнью и смертью, затем по какой-то странной прихоти человеческого организма, оказалось, что случай, который чуть не унёс его в могилу, закончил спасительный кризис его тела и наступила реакция, так долго желаемая его бабушкой, которая обожала его и вкладывала в него последнюю надежду. Вместе с опекунами молодого графа, она сама выбрала этот отдалённый пансион, так как он одновременно представлял из себя образцовый коллеж и настоящий *Kurhaus*, построенный в самой здоровой части Швейцарии. Прежде, чем обратиться в космополитическую гимназию, предназначенную для юных аристократов, Боденбергский замок был просто водолечебным заведением, местом сборища богатых больных Швейцарии и южной Германии. Бабушка Анри надеялась на здоровый климат долины реки Аар и на гигиену этого воспитательного заведения, чтобы привлечь к жизни, возродить единственного потомка знаменитого рода. Разве этот обожаемый внук не был единственным ребёнком её детей, умерших от сильной любви?

Кельмарк запасся там не только здоровьем, но и был награждён новым телосложением; быстрое выздоровление восстановило не только его прежние силы, но он неожиданно вырос, окреп, набрался мускулов, широкой груди, здорового тела и крови. С этим притоком юности,

в Кельмарке появились горячность, наивность нежного оттенка которых до сих пор не знала его слишком задумчивая и углублённая в себя душа.

Прежде он наблюдал только за атлетическими упражнениями товарищей, теперь он стал принимать в них участие и кончил тем, что усовершенствовался сам. Далеко от того, чтобы казаться не довольным, как прежде, передвижениями страстных игроков, он выделялся теперь своею настойчивостью и увлечением; он, который часто, желая избежать усталости от восхождения на юрский хребет, скрывался в гротах, в глубине старинных ванн, теперь блистал среди самых неутомимых экскурсантов по горам.

Он оставался одновременно усердным чтецом и прилежным учеником, как и большим любителем физических упражнений и декоративных игр, – напоминая в этом отношении законченных людей, гармонических существ эпохи Возрождения.

После смерти своей бабушки, которую он обожал, он приехал на родину, о которой в течение лет проведённых в коллеже, сохранил сыновнее воспоминание; к тому же впечатлительные, несдержанные жители острова должны были понравиться его душе, увлекавшейся преувеличиваниями и искренностью.

Жители Смарагдуса принадлежали к той кельтской расе, которая создала Бретонцев и Ирландцев. В XVI веке снова возобновились там смешанные браки с Испанцами, и словно укрепили преобладание тёмной крови на бледной коже Кельмарк знал этих жителей острова, отличавшихся нервной сложной организацией, которая резко выделялась среди бледных и розоватых народов, окружавших их, – кроме этого, они составляли исключение во всём королевстве, так как проявляли глухое упорство христианской, в особенности, протестантской морали. Несмотря на обращение в христианство этих стран, дикие жители Смарагдуса приняли крещение только после истребительной войны, которую объявили им христиане, желая отомстить за своего апостола святого Ольфгара, замученного всевозможными каннибальскими пытками, которые изображены до мельчайших подробностей на декоративных фресках в Зоутбертингской приходской церкви одним из учеников Тьерри Бутса, художником жестокой резни. В легенде женщины из Смарагдуса принимали особенное участие в этом убийстве, даже до такой степени, что прибавляли прелюбодеяние к жестокости и обращались с Ольфгаром, точно вакханки с Орфеем.

Много раз, в течение веков, чувственные и пагубные ереси возбуждали эту страну, отличающуюся бурным темпераментом и полнейшей автономией. В королевстве Керлингандии, ставшей почти протестантской, где лютеранство распространялось, как государственная религия, скрытое и иногда страшное бесчестие населения Смарагдуса внушало консистории много хлопот.

Таким образом епископ епархии, от которой зависел остров, принуждён был послать туда одного ретивого протестантского священника, лукавого, злобного и желчного сектанта, по имени Балтуса Бомберга, который сгорал от желания отличиться и отправился на Смарагдис, точно в крестовый поход против новых Альбигойцев.

Разумеется, он действовал в своих интересах. Несмотря на правоверное давление, остров сохранил свою первоначальную распущенность и паганизм. Ереси антверпенских Таншелена и Пьерра Ардуазье, которые, пять веков тому назад, были распространены на соседних странах Фландрии и Брабанта, пустили большие корни на Смарагдусе и сохранили свой первоначальный характер.

Всевозможные традиции и костюмы, забытые другими провинциями, существовали там, несмотря на проклятия и уговоры. Деревенские ярмарки происходили там в сопровождении телесных мук, более диких и разнузданных, чем в Фрисландии или Зеландии, уже достаточно известных по бешенству их празднеств, и можно было подумать, что женщины каждый год в это время бывали одержимы этой телесной истерией, которая когда-то заставляла так страдать епископа Ольфгара.

По этому странному закону контрастов, из-за которого противоположности сходятся, эти жители острова в настоящее время без определённой религии оставались суеверными фанатиками, как большинство туземцев других стран, наделённых призрачным туманом и воображаемыми явлениями. Их вера в чудеса словно происходила из отдалённой теогонии, мрачных и роковых культов Тора и Одина; но резкие аппетиты смешивались с их фантастическими изображениями, и последние возбуждали их любовь так же хорошо, как и их ненависть.

II

Анри, благодаря своей странной натуре и смелой философии, убедил себя не без некоторого основания, что из-за сходства своей души с этой дикой и первобытной обстановкой, он прекрасно будет себя чувствовать там.

Он озаменовал даже своё появление в качестве «Дейкграфа» таким нововведением, против которого пастор Балтус Бомберг принуждён был изливать сильный гнев с высоты своей кафедры.

Действительно, чтобы польстить первобытному чувству жителей острова, Анри пригласил к обеду не только нескольких дворян и крупных земельных собственников, двух или трёх художников из среды своих городских друзей, но позвал также в огромном количестве простых фермеров, мелких судозвезов, низшего разряда владельцев шаланд и парусных лодок, сторожа на маяке, шлюзного пристава, представителей рабочих партий на плотинах, вплоть до простых землевладельцев. На своё новоселье он пригласил не только всех этих туземцев, но и их жён и дочерей.

По его нарочному приказанию, все гости, мужчины и женщины, оделись в национальный костюм или форму. Мужчины показывались в куртках из светло-коричневого или ослепительно рыжего цвета, открывая на своих шерстяных рубашках вышитые атрибуты их профессии: якоря, земледельческие орудия, головы быков, инструменты землекопов, подсолнечники, чайки; – эта пёстрая, почти восточная живопись красиво выделялась на синем фоне, точно герб на каком-нибудь щите. На широких красных поясах сверкали пряжки из старого серебра одновременно совсем дикой и трогательной работы: другие хвастались дубовой красивой ручкою на своих широких ножах; моряки парадировали в высоких толстых сапогах, с кольцами из тонкого металла в ушах, столь же красных, как и раковины; землекопы были одеты в панталоны того же бархата, как их куртки, и эти панталоны, узкие вверху, расширялись от икр вплоть до самой ступни. Их небольшая шляпа напоминала головной убор судейских в эпоху Людовика XI. Женщины соорудили головные уборы из кружев под коническими шляпами с широкими лентами, одевали очень старинные корсажи с ещё более фантастическими арабскими, чем жилеты мужчин, широкие юбки такого же бархата и того же светло-коричневого цвета, как куртки и шаровары, а золотые цепи из колец три раза окутывали их шейки; подвески к серьгам отличались древними, почти византийскими рисунками, кольца имели столь большие камни, точно пастырское кольцо.

Это были большею частью здоровые представители брюнетов этой пламенной, но всё же полной расы чёрных и нервных Кельтов, с вьющимися и беспокойными волосами. Загорелые крестьяне и моряки, вначале обеда немного стеснявшиеся быстро овладели собой. С неловкими, но естественными движениями, даже иногда очень изящными, они употребляли ножи и вилки, о мере того, как обед приближался к концу, языки развязывались, смех, иногда какое-нибудь ругательство вырывались на их гортанном живописном наречии, с неожиданными ласками и объятиями.

Хозяин их, логично отменивший всякий этикет, и всякое первенство, очень удачно рассадил гостей; рядом с кем-нибудь из аристократов сидела какая-нибудь фермерша, или владелица шлюпки или торговка рыбою, и подобно этому, рядом с какой-нибудь соседкой замка,

садился какой-нибудь юный содержатель дойных коров с отважной наружностью или хозяин шлюпки с узловатыми мускулами на руках.

Друзья Кельмарка заметили, что почти все гости были в расцвете своих сил или кипучей зрелости. Точно это был подбор красивых женщин и пластических, здоровых мужчин.

Среди приглашённых находился один из главных землевладельцев страны, Мишель Говартц, хозяин фермы Паломников, вдовец, отец двух детей, Гидона и Клодины.

После владельца Эскаль-Вигора, фермер Паломников был самым важным лицом в Зоудбертингском селении, на территории которого возвышался замок Кельмарков.

В течение детства и отсутствия молодого графа, Говартц даже заменял его в качестве председателя *wateringue*'а или совета для поддержания и сохранения наносных земель, под названием польдерсов, – совета, первым лицом которого был Дейкграф. И без некоторой обиды для своего самолюбия, после возвращения Кельмарка, фермер был низведён в число простых членов совета. Но приветливость молодого графа заставили вскоре забыть Говартца об этом небольшом унижении. Затем, в *wateringue*'е он считался теперь заместителем Дейкграфа, в то время как в качестве судьи он имел по статуту право инициативы и свободный голос. К тому же, разве после этого он не был избран бургомистром прихода? Толстый крестьянин, 40 лет, с красивой осанкой, не злой, но тщеславный, слабого характера, он был очень польщён приглашением посетить замок и сесть вместе с дочерью во главе стола. Поддерживаемый своими кумовьями, в особенности, подбиваемый и подстрекаемый своей дочерью, не менее его тщеславной, но более умной Клодиной, он не нарушал прерогативов и гражданских льгот и гордо обращался с пастором Бомбергом. Одно время он боялся, что граф де Кельмарк употребит своё влияние, и его выберут магистратом селения. Но Анри ненавидел политику, соперничества, связанные с нею низкие поступки, интриги, компромиссы, на которые она побуждает общественных деятелей. С этой стороны Говартцу нечего было опасаться. Он решил поэтому стать другом и союзником знатного сеньора, чтобы лишиться пастора всякой власти. Этот приём посоветовала ему Клодина, как только стало известно о приезде владельца замка Эскаль-Вигор.

Чтобы воздать честь бургомистру, граф пригласил Клодину Говартц сесть по правую руку возле себя.

Клодина, главная хозяйка в доме, была высокой и здоровой девушкой, с темпераментом амазонки, с большими грудями, мускулистыми руками, гибкою и здоровой талией, с бёдрами коровы, с властным голосом, – тип бой-бабы и валькирии. Пышные, тёмно-золотистые волосы окаймляли её гордую голову и распространяли свои пряди на короткий лоб, почти вплоть до её смелых и гордых глаз, карих и прозрачных, точно текущая бронза, а прямой и широкий нос, жадный рот, зубы кошки, подчёркивали быстрое возбуждение и грубость её природы. Вся во власти тела и инстинктов и сильного желания властвовать, она оставалась до сих пор целомудренной и неизнасилованной, несмотря на горячность природы, только из упорного тщеславия. У неё не было тени чувствительности или деликатности. Какая-то железная воля сковывала её и заставляла без всяких колебаний идти к цели. Со смерти матери, т. е. с её семнадцатилетнего возраста – теперь ей было уже 22 года, она управляла фермой, хозяйством, и до некоторой степени даже приходом. С ней должен был считаться пастор. Её брат, Гидон, восемнадцатилетний юноша, и даже её отец, бургомистр дрожали, когда она возвышала свой голос. Она считалась одной из лучших партий острова, перед нею очень заискивали, но она отсылала самых богатых претендентов, так как мечтала о таком браке, который мог бы вознести её над другими женщинами округа. Такова была и причина её добродетели. Своим красивым и трепетным телом, столь же заманчивым, как и способным увлечься, она приводила в отчаяние самцов с самыми серьёзными намерениями, хотя сама готова была отдаться, замереть в их объятьях, ответить страстным поцелуем на поцелуи, кто знает, может быть даже вызвать их или, по мере необходимости, взять силою.

Чтобы покорить и заглушить эти требования тела, Клодина в течение недели, изнуряла себя тяжёлой работой, утомительными хлопотами, а во время деревенских ярмарок, она отдавалась бешеным танцам, вызывала странные выходки, возбуждала бешеные крики и ссоры между своими кавалерами, но, обольщая победителя, укрощала его по мере надобности, выказывала ещё больше грубости, чем он сам, доходя до того, что била его, обращалась с ним, как он обращался с своими соперниками, затем, невинная, скрывалась. Если же ей случалось с каким-то безумием ответить на чью-либо ласку, допустить какое-нибудь вольное обращение, она овладевала собой в критический момент, вспоминая о благоразумии из-за своей тщеславной мечты.

Как только она увидела Анри де Кельмарка она поклялась в душе стать владелицей замка Эскаль-Вигор.

Анри был красивым кавалером, холостым, неимоверно богатым, судя по рассказам, и столь же благородным, как король. Чего бы это ни стоило этой гордой самке, он должен был жениться на ней. Не было ничего легче, как заставить его полюбить себя! Разве она не кружила головы всем молодым деревенским парням? На что бы ни решились самые знатные, чтобы победить её? Можно было предвидеть, что бы произошло в случае отказа какого-нибудь мужчины, если б она согласилась связать свою судьбу с его судьбой.

Клодине было уже известно, так как она встречала графа в парке и на морском берегу, что его сопровождала на остров одна молодая женщина, его гувернантка или, скорее, его возлюбленная. Эта связь переполнила даже чашу презрения пастора Бомберга! Но Клодина не очень беспокоилась о присутствии этой особы. Кельмарк не должен был придавать этому большого значения. Доказательством того служило то обстоятельство, что барышня не показала за столом. Клодина льстила себя надеждой, что прогонит её, и, если понадобится, займёт её место, в ожидании брака; она была в достаточной мере уверена в себе, чтобы отдаться Кельмарку и затем заставить его жениться. К тому же, такая самка в духе художника Йорденса почти не считалась с этой маленькой, бледной малокровной и худой особой, лишённой здоровых и деревенских прелестей.

Нет, граф де Кельмарк не может долго выбирать между этой жеманницей и красавицей Клодиной, самой блестящей из всех самок Смарагдуса и даже Керлингандии.

Во время обеда она смеривала молодого человека с головы до ног с взорами и чутьём сладострастной вакханки, одновременно изучая обстановку и сервировку глазами оценщика. Что касается цены всей собственности, она давно уже составила о ней понятие, как и о всех других свойствах. Эта обширная треугольная долина, ограниченная с двух сторон плотинами, а с третьей, решёткой и широкими рвами, представляла из себя вместе с возделанными полями и примыкавшими к ней лесами, около десятой части всего острова. Кроме того, рассказывали ещё о владениях Кельмарка в Германии, Нидерландии и Италии.

Рассказывали также, что его старая бабушка оставила ему около трёх миллионов гульденов, в доходных бумагах. Больше ничего не надо было, чтобы положительная Клодина сочла Кельмарка своим женихом, очень подходящим мужем. Может быть, если б он не был так богат и знатен, она предпочитала бы его немного более полным и здоровым. Но она не переставала восторгаться его изяществом, его аристократическими чертами лица, его девическими руками, красивыми синими глазами, тонкими усами, и заботливо подстриженной бородкой. То, что Дейкграф казался немного сдержанным или конфузливый, временами почти томным и меланхолическим, могло только нравиться крестьянке не потому, чтобы она впадала в сентиментальность; напротив, этого не было вовсе в её слишком материалистическом характере, но потому, что эти минуты задумчивости Кельмарка, казалось, выдавали у него слабую натуру, пассивный характер. В силу этого она могла бы только ещё легче руководить им и его состоянием. Да, этот аристократ не мог быть более податливым и гибким. Как иначе объяснить его долгое терпение этой «особы», этой барышни, которую проворная Клодина сейчас же сочла за непрощенную

гостью? Рассуждение которое придумала девица, не было лишено логики: «Если эта нахалка могла покорить его и распоряжаться им, то как легко победить его настоящей женщине!»

Приёмы Анри не были совсем таковыми, чтобы могли разочаровать её. Он выказывал всё время какую-то лихорадочную весёлость, близкую почти к той весёлости, которой отдаётся мыслитель чтобы забыться; он ухаживал за своей соседкой и занимал её с такою настойчивостью, что она вообразила, что уже достигла цели. Эта непринуждённость Кельмарка, в конце концов, возмутила некоторых дворянчиков, приглашённых на это странное пиршество, но они не показывали ничего и удивлялись в душе на это нелепое соединение всех сословий, но уступая ему только ввиду ранга и состояния Дейкграфа, в его присутствии они продолжали находить его идею необыкновенно эстетической и восторгались ею. Мы можем себе представить, в каких выражениях они рассказывали об этом непристойном маскараде пастору и его жене, так как они вместе с двумя или тремя святошами составляли всю его паству. Один за другим они потребовали свои экипажи и быстро удалились с их жеманными жёнами и наследницами. После их отъезда все веселились гораздо свободнее.

Граф, умевший рисовать и писать красками, как настоящий художник, захотел за кофеем набросать очень лестный медальон Клодины, который он приподнёс ей после того, как он всех обошёл, вызвав большой восторг у этих простых душ, которые радовались простоте их молодого графа. Мишель Говартц, в особенности, был вне себя от восторга, так как ему льстило внимание графа к его любимому ребёнку. Анри всё время чокался с Клодиной, и не переставал восторгаться её костюмом:

– Он очень идёт к вам, – говорил он. – Насколько естественнее кажется вы в нём, чем вот та дама, которая заказывает свои туалеты в Париже! – Он указал ей на одну очень сдержанную баронессу, дурно одетую, сидевшую на другом конце стола; с самого начала обеда она не переставала делать гримасу и хранить гробовое молчание, так как по обеим сторонам от неё сидели два непринуждённых морских волка.

– Пфуй! – отвечала Клодина, – вы хотите смеяться, граф. Хорошо, что вы просили явиться нас в национальных костюмах, иначе я была бы одета, как наши дамы из Ипперзейда.

– Умоляю вас, – отвечал граф, – берегитесь подобных шутовских костюмов. Это было бы равносильно измене!

И он отдаётся восхвалению костюма, наивно сохранившегося в этой местности, в отличие от других стран и народов.

– Костюм, – заявляет он, – довершает человеческий тип. Мы должны иметь наши собственные одежды, как мы имеем нашу флору и фауну. Его фантастические слова, казалось, рисовали высокие красивые человеческие формы, облечённые в гармонические ткани.

Во время его этнографической лекции он заметил, что молодая крестьянка слушала его, не понимая и без всякого восторга.

Чтобы развлечь её, он принимался показывать ей различные комнаты в замке, заново отремонтированные, полные воспоминаний и реликвий. Клодина взяла под руку графа, и он открывая шествие, пригласил других гостей следовать за ним из одной амфилады комнат в другую. Глаза Клодины, точно два горячих уголья, поглощали золото на рамах, мрамор и лампы, феодальные ковры, редкие доспехи, но оставались бесчувственными к искусству, вкусу, порядку этих роскошных аксессуаров. Благородные обнажённые тела, нарисованные, или высеченные из мрамора, среди которых копии молодых людей Буонаротти окаймляли отдельные группы Сикстинского плафона, поражали её только их видом *in naturalibus*. Она, откидываясь, заливалась шутивным смехом, или закрывала себе лицо, представляясь поражённой, с волнуемой грудью; Кельмарк чувствовал, как её тело дрожит и трепещет возле его ног. Мишель Говартц шествовал за ними с целою бандою весёлых и удивлённых гостей. Шутники комментировали картины художников, увлекаясь ими, и среди мифологической наготы указывали глазами и даже жестами на свой выбор. Несколько раз бургомистр просил их быть поскромнее.

И так как он тщетно взывал к ним, то заговорил с графом:

– Кто не доволен видеть вас среди нас, граф, это наш пастор, дон Балтус Бомберг.

– Ба! – отвечал Дейкграф. – В чём я его прогневал? Я не хожу в церковь, согласен, но я имею понятие, как и он, о религии, и что касается настоящей, вечной добродетели, то я схожусь хорошо с добрыми поклонниками всех культов... Действительно, Дон Балтус отказался от моего приглашения на сегодняшнее празднество, давая понять, что подобные смешения возмущают его душу... Вот так евангелическое учение!.. Он, кажется, приветлив с прихожанами...

– Знаете ли вы, что он уже касался вас в своей проповеди? – спросила Клодина.

– Неужели? Он делает мне много чести.

– Он не нападал открыто на вас и остерегался назвать вас, – снова заговорил бургомистр, – но присутствовавшие всё же поняли, что дело шло о вашей светлости, когда он говорил о каких-то красивых владельцах замков, которые приезжают из столицы, выказывают нечестивые идеи, и отрицая всякий долг, подают дурной пример бедным прихожанам, издеваясь, своими развратными нравами, над священным таинством брака! И то, и другое! Этого хватило на добрую четверть часа, по крайней мере, нам рассказывали наши сёстры, потому что ни я, ни моя семья не вступают ногою в церковь!..

Услышав о намёке на его ложное семейное положение граф слегка изменился в лице, и его ноздри высказали даже нервный порыв гнева, который не избег взгляда Клодины.

– Разве мы не будем иметь чести быть представленными г-же... или, не знаю, как назвать... мадемуазель?.. спросила крестьянка с каким то вкрадчивым шёпотом.

Новое выражение тайного неудовольствия показалось на лице Кельмарка. Это облако снова не исчезло от взоров хитрой деревенской девушки. «Тем лучше, – подумала она, – жеманница, кажется надоела ему!»

– Вы хотите сказать о мадемуазель Бландине, моей экономке, – проговорил Кельмарк весёлым тоном. – Извините её. Она очень занята, к тому же она чрезвычайно конфузливая... Ей доставляет большое удовольствие готовить всё и направлять за кулисами, мои приёмы... Она является чем-то вроде моим церемонмейстером, главным управителем в Эскаль-Вигоре...

Он засмеялся, но Клодина нашла этот смех немного принуждённым и намеренным. Напротив, с каким-то искренним выражением он прибавил: «Это почти моя сестра... Мы вместе закрыли глаза моей бабушке».

После паузы Клодина спросила: «Вы приедете к нам на ферму, граф?» – немного обеспокоясь за свои матримониальные планы, из-за этой горячей искренности в последних словах Анри.

– Да, граф, вы окажете нам большую честь этим посещением, – настаивал бургомистр. – Не хвастаясь, «ферма Паломников» не имеет себе равной во всём королевстве. Мы держим только породистых животных, превосходных коров и лошадей, как и свиней и ягнят...

– Рассчитывайте на меня, – сказал молодой человек.

– Разумеется, графу известна вся страна? – спросила Клодина.

– Почти. Внешний вид очень разнообразен. Ипперзейд произвёл на меня впечатление красивого городка с памятниками и даже любопытным музеем... Я нашёл там прекрасную картину Франса Гальса... Ах, какой-то толстенький маленький игрок на свирели; самая чудесная симфония тела, и воздуха, которым этот чрезмерный и мужественный художник оживил полотно... За этого чудесного молодца я отдал бы всех венер, даже кисти Рубенса... Я должен ещё вернуться в Ипперзейд.

Он остановился, понимая, что говорит на непонятном языке с этими людьми.

– Мне нравятся также и дюны, и вереск в Кларваче... Послушайте. Не там ли находятся странные жители?..

– Ах, дикари! – сказал бургомистр, с протестом и презрением. – Собрание спорщиков! Единственные бродяги и туземцы страны!.. Наш Гидон, наш негодный сын, навещает их! Грустно сказать, что он мог бы очутиться в их компании.

– Я попрошу вашего сына проводить меня когда-нибудь туда, бургомистр! – сказал Кельмарк, провожая своих гостей в другую комнату. Его глаза сверкали, при воспоминании об этом маленьком игроке на свирели. Теперь они затуманивались и его голос слегка задрожал, отличался выражением непонятной меланхолии, вслед за скрытым в кашле рыданием. Клодина продолжала смотреть направо и налево, вычисляя цену всем безделушкам и и редким вещам.

В бильярдной комнате, куда они вошли, вся стена была занята, как известно, картиною самого Кельмарка «*Конрадин и Фридрих Баварский*», согласно очень популярной гравюре в Германии. Страстный поцелуй двух юных принцев, жертв Карла Анжуйского, придавал их лицам выражение сильной любви, носившей какое-то божественное значение, намеренно подчеркнутое Анри.

– Вот... два юных принца. Предводители моих очень отдалённых предков... Им отрубают головы!.. – объяснял он, с намеренным смехом обращаясь к Клодине, которая стояла перед этою картиною со взорами ротозейки...

– Бедные дети! – заметила толстая девушка. – Они целуются, как влюблённые...

– Они глубоко любили друг друга! – прошептал Кельмарк, точно сказал *аминь*. И он повёл дальше свою спутницу. Пока она наивно замечала обилие картин и мраморов, Кельмарк ответил: «Действительно, это огромные полотна, вроде тех, которые находятся в Ипперзейде и в других музеях!.. Это украшает комнаты! За неимением моделей я копирую их!» – и в его словах на этот раз заключался какой-то равнодушный, недовольный тон, каким он хотел поделаться к окружающим его людям.

Смеялся ли он над своими гостями или анализировал ли он себя самого?

По деревенскому обыкновению, сели за стол в 12 часов дня.

Теперь было уже девять часов и начинало темнеть.

Вдруг раздались громкие звуки медных труб. Приближались факелы под звуки серенады, и бросали в полумрак гостиных красноватый цвет северной зари.

III

– Что это? измена, ловушка! – вскричал Кельмарк, принимая загадочный вид.

– Наша молодёжь Гильдии св. Сецилии, наш оркестр, явился приветствовать вас, граф! – торжественно объявил фермер «паломников».

Глаза Кельмарка заблестели каким-то таинственным огнём и он сказал: «В другой раз я вам покажу мою мастерскую... Пойдёмте к ним навстречу!» и он поспешил спуститься по главной лестнице, казалось, очень счастливый этой переменой, против которой хитрая Клодина восставала в глубине души.

Говартцы и другие гости последовали за ним вниз в обширную оранжерею, широкие стеклянные дверцы которой были раскрыты по приказу всё же не показывавшейся Бландины.

Музыканты Гильдии расположились полукругом у балкона.

Они дуют со всех сил в трубы с широкими крыльями и бьют сильно в барабаны...

Все были одеты в красивый национальный костюм только с некоторыми вариациями. У многих смешной наряд, изношенный и даже заплатанный, показывал больше медной окиси и примеси, чем слишком новые наряды гостей. Некоторые из них были небрежно одеты, без курток, с рукавами рубашки, или матросской блузы, которая показывала их здоровую шею.

Это были почти все высокие и сильные парни, хорошо сложенные брюнеты, собранные со всех домов острова, как со всех ферм Зоудбертинга, так и с лачуг Кларвача. Гильдия, вполне

демократического происхождения, насчитывала в своём составе сыновей благородных родителей наряду с мужественными детьми грабителей остатков кораблей и бродяг морского берега.

Самые младшие потомки лиц, потерпевших кораблекрушение, мальчики с взъерошенными волосами, блестящими, но жестокими глазами, с смуглым лицом, как у ангелов Гвидо Рени, уже полные, подвязав панталоны с разрезами у колен, верёвкой вместо помочей и украсив их ветвями и сухими листьями, исполняли за несколько динарий обязанность носителей факелов. Под предлогом увеличить освещение, но, в действительности, чтобы забавиться, во всё время пути, они опрокидывали свои фонари, проводили по земле пламенными языками смолы, которые они сейчас же затаптывали ногами, не боясь сжечь себе голые ноги, подошва которых стала тверда, как копыто.

В честь Дейкграфа, Гильдия св. Сецилии исполняла очень старинные народные песни, которые словно накладывали непонятную гармоническую дымку на ароматный тёплый вечер. Одна песня в особенности захватила и приятно удивила Анри своей жалобной мелодией, точно морской отлив, порыв ветра среди вереска или звукоподражание на плотинах рабочим, вбивающих сваи. Эти рабочие, или скорее их надсмотрщики, в действительности распевают её, чтобы придать себе силы во время труда. Запряжённые каждый за верёвку, они одновременно поднимают на воздух тяжёлую бабу и опускают её. Ноги сжимаются, тело вытягивается и зад сгибается в такт. Можно услышать эту песенку и возле рыбацких лодок. Моряки вместе с нею берутся за свои инструменты, и с помощью мелодий и пастушеских песен они проводят иногда так скучные часы полного затишья моря или сливают свою жалобу и томность с трепетным ритмом волн.

Один из молодых, ученик музыкальной школы в Ипперзейде, переложил эту песенку для трубных инструментов. Маленькая труба передавала эту немного грубоватую мелодию с модуляциями под аккомпанемент больших труб и тромбонов, изображавших глубокий рёв волн.

Кельмарк внимательно рассматривал этого юношу, игравшего на маленькой трубочке, более красивого и рослого, чем его сверстники. С стройной талией, с цветом лица амбры, с бархатными глазами, но длинными чёрными ресницами, с мясистыми и очень красными губами, расширенными ноздрями из-за таинственных ощущений обоняния, чёрными густыми волосами, он был очень красив в своём дурном костюме, который облегал его формы, точно шерсть на эластических членах кошек. Тело, нежно раскачивавшееся и переваливавшееся, казалось, следовало за музыкальными переходами и исполняло на месте очень медленный танец, похожий на трепет осени в летние ночи, когда нежный ветерок колышет растения. Точно высеченная из мрамора фигура этого молодого крестьянина, который выделялся по музыкальности из среды своих собратьев, как раз напомнила Кельмарку *игрока на свирели* Франца Гальса. Этот юноша казался ему чудесною живою картиною сообразно полотну из музея Ипперзейда. Его сердце сжалось, он затаил дыхание от слишком пламенной радости.

Мишель Говартц заметил внимание, которое уделил граф молодому солисту, воспользовался паузой, чтобы подойти к нему и подвести его к Кельмарку довольно грубо за ухо, с риском оторвать его.

Ничто не могло передать выражения одновременно жалкого, испуганного и восторженного, маленького игрока на трубе, грубо подведённого к Дейкграфу. Казалось, что в его глазах и на его устах вылилась вся высшая мука мученичества.

– Граф, вот мой сын Гидон, негодяй, о котором я только что рассказывал вам, заговорил грубый бургомистр, заставляя вертеться мальчика кругом себя самого: вот товарищ спорщиков Кларвача, отъявленный лентяй, дурная голова, – который, может быть, отличается всеми достоинствами пения зяблика и жаворонка, но не имеет ни одного из тех достоинств, которых я надеялся найти в своём сыне. Ах! мечтать, свистеть, нежничать попустому, следить за ласточками, валяться на спине или греться на солнце, точно какой-нибудь тюлень на песке, вот что

он любит! представьте себе, что с самого его рождения он ни в чём не был нам полезен. Так как он никогда не помогал нам на ферме, я решил сделать из него матроса и завербовал его в качестве юнги на рыбацкую барку... Напрасно! После трёх дней, лодка, возвратившаяся в порт, привезла его обратно... Посреди работы он вдруг останавливался и смотрел на облака и волны... Его небрежность и забывчивость навлекли на него несколько тяжёлых наказаний, но удары не имели большего значения для этого дурного юнги, чем уговоры и просьбы. В конце концов, мне пришлось взять его и определить на скучную работу: он стережёт коров и овец в равнинах Кларвача с этими маленькими вшивыми ребятами, которые носят сегодня факелы Гильдии... Разве это не позор, граф, когда он так сложен, как вы видите! Плакса! Он начинает кричать, не может видеть, чтобы убивали свинью во время деревенской ярмарки или чтобы мясник отмечал красным крестом спины овец, предназначенных на бойню!.. Гидон похож на девушку... Мой настоящий сын, это моя Клодина... Вот она делает дело!..

– Жаль, так как у него всё же умный вид! – заметил Дейкграф с намеренным равнодушием. – Он чудесно играет на трубе. Почему вы не сделаете из него музыканта?

– Ах, нет! Вы изволите шутить, граф. Он неспособен отдалиться чему-нибудь, что могло бы принести пользу. Ей-богу, чтобы избавиться от него, я хотел отдать его в паяцы. Может быть он сделал бы там карьеру. В ожидании этого он приносит мне только расходы и огорчения. Разве он не пытался чертить углём на заново оштукатуренной стене фермы под предлогом изобразить наших животных!

– Нет ли у него способностей к живописи? – прошептал скучающим тоном Кельмарк, принимая вид человека, удерживающего зевоту.

Товарищи Гидона окружили семью Говартца и Кельмарка, забавляясь смущением маленького пастуха, которого осуждал сам отец. Товарищи переминались, подталкивали друг друга локтем, подчёркивая смехом и шёпотом жалобы бургомистра на своего сына.

Анри понял, что Гидон является прицелом для шуток всех этих хитрецов. Клодина смотрела на брата жестоким и злым взглядом. Анри угадывал, что бургомистр унижал и обижал сына, чтобы польстить Клодине, своей любимице. Между этой грубой, почти мужественной девушкой и этим маленьким, более утончённым крестьянином разница вырисовывалась очень резко. Проницательный Анри представлял себе бурные ссоры в доме Говартца, и ему становилось очень грустно. К тому же Клодина казалась ему обиженной тем вниманием, которое оказывал Дейкграф этому отверженному ребёнку, подвергнутому изгнанию, живущему почти вне семьи.

– Послушайте, бургомистр, мы поговорим об этом! – сказал Кельмарк. – Может быть, мы найдём возможность сделать что-нибудь из этого фантазёра!

Это были очень неясные слова, ничего не обещавшие, но, произнося их, Анри не мог удержаться, чтобы не взглянуть на пастуха, и последний прочёл или, по крайней мере, подумал, что прочёл в этом взгляде более серьёзное обещание, чем то, которое можно было угадать в этих словах. Бедняжка ощутил от этого взгляда радостное чувство, полное надежды и возможного спасения. Никогда никто не смотрел на него таким взглядом, или скорее никогда он не прочёл столько доброты в человеческом лице. Но непослушный юноша, разумеется, ошибался! Граф был бы безумным, если бы заинтересовался молодцом, так дурно отрекомендованным фермером «Паломников». Кому придёт в голову связываться с этим дикарём, дурным мальчишкой?

«Только бы Клодина её наговорила бы слишком много дурного про меня!» – подумал маленький пастух, страдая при виде, что Дейкграф удалился с его жестокой сестрой. Но Кельмарк вышел, чтобы отдать приказания Бландине. Музыкантам предложили выпить. Когда граф показался снова и захотел чокнуться с ними, почему вышло так, что он протянул свой стакан к другому, протянутому так преданно к нему, стакану сына бургомистра Говартца? Юноша на одну минуту ощутил грустное чувство, но сейчас же вспомнил ласковый взгляд графа. Он

отошёл от пившей компании, желая поблуждать по залам и, в свою очередь, полюбоваться картинами. Анри, занятый настойчивым ухаживанием за толстой Клодиной, невольно часто взглядывал на юного трубача Гильдии. Он заметил его выражение, одновременно задумчивое и восторженное перед изображением Конрадина и Фридриха, на которых едва взглянула его сестра с точки зрения любопытства.

Дейкграф был прав, что предложил выпить грубоватым исполнителям серенады. Им казалось даже, что он сам немного выпил, что не могло смутить их, туземцев Смарагдуса, истинных любителей пить, как все северные жители.

Вся компания, жаждавшая прогулки, разбрелась по садам и по морскому берегу, откуда раздавалось грубое веселие и громкий смех. Крик испугал даже парочку чаек, находившихся в деревьях плотины, и Кельмарк, гулявший с Клодиной по террасе со стороны моря, видел, как птицы несколько раз с жалобными криками вертелись вокруг фонаря маяка и внушили ему порыв поэтического сострадания, о котором его спутница и не подозревала. Что было общего между их полётом и его собственными тревогами? Затем он начал снова шутить с дочерью бургомистра.

Между тем члены Гильдии потребовали своего трубача, и так как он всё ещё находился в комнатах, перед картинами, они отправились за ним и увели его, несмотря на его протесты, в глубину парка. Анри, разумеется, преувеличивал их шутки с юным Говартцем, потому что вместе с Клодиной направился по какому то таинственному влечению, в сторону их шумных групп. Его приближение смутило их и прекратило быстро мучения, которым они хотели подвергнуть юношу. Однако, что-то вроде целомудренного чувства или уважения помешало Кельмарку прямо вмешаться и защитить мальчика; он отворачивался от него и удерживался даже, чтобы не сказать ему ни слова; но шутя с Клодиной, он возвышал голос и Гидон наивно вообразил, что граф хочет, чтобы он его слышал...

Наконец, компания решила вернуться в селение. Раздались звуки барабана. После того, как все собрались на траве, босоногие малыши Кларвача побежали зажигать свои факелы. Музыканты выстроились во главе шествия. Граф проводил их до главной калитки и смотрел, как они, под красивые звуки, исчезали в большой роще, находившейся между замком и селением.

Клодина, опираясь на руку отца, восхваляла графа или, скорее, его состояние и роскошь, но не доверяла ещё фермеру главного плана, который она составила в своём уме.

Юный Гидон, выпрямив голову, исполнял свою партию с необыкновенным мужеством. Его трубочка, казалось, зывала к звёздам. В её время Гидон думал о владельце Эскаль-Вигора. В отзвуках трубы, он надеялся найти снова оттенок сострадательного голоса Дейкграфа, и в туманном воздухе он искал его глубокого взгляда. Странная противоположность: несмотря на этот восторг, бедняжка чувствовал сердце переполненным, горло сжатым, глаза готовыми заплакать – можно было угадать иногда его отчаянные призывы, возгласы на помощь, с которым его труба обращалась к далёкому покровителю, может быть, и не слыхавшему ещё их, но тем не менее охваченного симпатией, – после того, как они затихали под необыкновенно торжественными вязами.

IV.

Бландина, молодая женщина, причинявшая неприятность тщеславной Клодине, та, которую граф не без насмешки называл экономкой, режиссёром Эскаль-Вигора, приближалась к тридцатилетнему возрасту. Кто увидел её, бледную, нежную, с сдержанными приёмами, с чертами лица, казавшимися необыкновенно благородными, меланхолическим и гордым лицом, красиво одетую, тот не мог допустить её низкой обязанности.

Старшая дочь совсем мелких крестьян, молочников и огородников, родом из одной фламандской страны, которую разделили между собою Франция, Голландия и Бельгия, вплоть до шестнадцати лет она могла соперничать в полноте и грубых приёмах с молодой фермершей «Паломников». Её отец женился во второй раз, и точно для того, чтобы увеличить несчастье крошки, единственного ребёнка от первого брака, он умер, оставив целую массу братьев и сестёр. Мачеха Бландины изнуряла её работой и битьём. Она оставалась доброй и стоически относилась к своим страданиям, точно настоящее домашнее животное: она не только помогала своей второй матери по хозяйству, занималась стиркой и смотрела за младшими детьми, но она работала и в огороде, пасла коров, каждую неделю отправлялась пешком в город, нагруженная кувшинами молока и корзинами овощей.

Впоследствии часто, в часы уединения, наклонившись над шитьём, Бландина уносилась в своих мечтах к родной стране, именно, к отцовской хижине.

Последняя покрывается не больше растениями и мохом; старые стены скрывают трещины за ветвями жимолости и дикого винограда. Во дворе свиньи роются в навозе, куры пугаются их, и белые голуби улетают на крыши с жалобным шумом их крыльев; чёрная собака, с короткой шерстью, из породы *шпицев*, одновременно храбрый сторож и прекрасный пёс для упряжки, зевает в своей конуре, а через открытую дверцу снова показываются две коровы, которые жуют свежий клевер.

Бландина долгие годы ещё будет вспоминать в Смарагдесе свой родной домик в Кампине. Река Нете течёт недалеко оттуда и вырисовывается среди красивых кустарников; один из её мёртвых рукавов теряется позади палисадника, в болотистых пастбищах. Зелёные небольшие аллеи из мохнатых ольх и выпуклых ив, которые в известное время года покрываются пахучею жимолостью, как будто бережно опоясывают течение серебристой реки, где на краю селения вертится водяная мельница к большой радости ребят.

Управительница Эскаль-Вигора помнит, что позади лугов и полей находилась мрачная равнина, покрытая вереском, посреди которой поднимается холмик, где чёрные и бесформенные можжевельники показывались, точно тайное сборище демонов пустырей – вокруг одинокого дуба, – столь редкого дерева в этой местности, что всякая перелётная птица должна бы уронить там зёрнышко.

Это чудесное дерево, очевидно, привлекло к себе одну из тех небольших фигурок Богородицы, скрываемых под стеклом, в каком-то миниатюрном алтаре, которые простые люди вешают по скрытому инстинкту на самых романтических местах своего прихода. Этот холм напоминал тот дуб, под которым Жанна Д'Арк слушала «голоса»...

Маленькая Бландина с раннего возраста представляла из себя странную смесь восторженности и разума, чувства и рассудительности. Она была воспитана в католической религии, но после первого причастия она отклонила от себя мёртвую букву, чтобы отдаться только живому уму. По мере того, как она выростала, она сливала представление о Боге с своей совестью. Довольно того, что она долго считала себя верующей, и её религия не имела ничего общего с религией ханжей и лицемеров, но была благородной и рыцарской религией. Поэтические наклонности, фантазия, сливались у Бландины с широким и чистым взглядом на жизнь. Храбрая и ловкая, она отличалась воображением доброй феи, но владела умелыми пальцами.

Сделавшись взрослой женщиной, руководившей экономией такого большого владения, Бландина вспоминала себя маленькой девочкой, коровницей, которая сидела под тенью дуба среди обширной кампинской равнины... В своих мыслях она слушает, как кричат лягушки в лужах и наслаждается, как и прежде, превосходным ароматом сожжённых ветвей, который доносит к ней ветерок! Отдых пастуха, в сумерки разводившего огонь, который ночью превращался в бледную густую дымку, как бы душу бесконечной равнины! Дикий аромат, предвестник этой местности, который никто не забудет, кто только раз вдохнул его!..

Эта поэзия, немного жестокая и грустная, но приятная и сильная, вдохновительница долга, даже жертвы, даже героизма охватила навсегда душу Бландины, в то время ещё маленькой полевой крестьянки, но находившей время мечтать и восторгаться, несмотря на тяжёлые и постоянные работы, которым подвергала её мачеха.

В особенности, одна пора лета вливала прежнюю тоску в душу псевдо-владелицы Эскаль-Вигора: это было при приближении 29 июня, дня Петра и Павла, когда заканчиваются условия между господами и слугами.

Эти перемены слуг служат каждый год предлогом для празднества, о котором Бландина вспоминает всегда съетрастной и нежною меланхолией. В Смарагдесе ей достаточно было запаха сирены и бузины, чтобы представить себе обстановку и актёров этих деревенских торжеств:

Яркое солнце усиливает запах живых изгородей и рощ. Перепёлка, спрятавшись во ржи, нежно кричит. Никто не работает на нивах. Мужчины, в их стремлении отдаться удовольствию, побросали местами косы, серпы и бороны. Если поля опустели, то, напротив, вдоль соединительных дорог тянется целая процессия экипажей огородников, покрытых белым полотном, нагруженных, не так, как по пятницам, овощами и молоком, но заново расписанных красками, убранных цветами, лентами, управляемых большим количеством нарядных рабочих, не менее весёлых крестьянок, разодетых во всё лучшее.

Эти слуги отправлялись утром, самым церемонным образом, за крестьянками в их прежнее жилище, и так как мужчины должны поступать на новое место только вечером, то они пользуются длинным летним днём, чтобы познакомиться с их будущими товарками по посеву, полевым работам и жатвою.

Часто подённые рабочие из одного и того же прихода, служащие у мелких крестьян, выпрашивают телегу для сена у богатого фермера и складываются между собою для найма лошадей. Все виды рабочих: молотильщики, веяльщики, жнецы, коровницы, жницы, садятся в телегу, превращённую в роскошный сад, где красные и полные лица блестят в ветвях, как спелые яблоки.

Сетка в виде попоны покрывает сильных лошадей, так как мухи безумно кусаются вдоль дубовых рощ; но петли сетки исчезают под золотыми бутонами, маргаритками и розами. Образовываются кавалькады. Экипажи, отправлявшиеся в те же деревни, или возвращавшиеся оттуда, трясутся вереницей, унося компанию нового легиона служанок.

Происходит блестящее и шумное дефилирование, апофеоз произведений земли, исполненный её членами. На их пути воздух обдаёт их ароматом, светом и музыкой!

Пастухи и рабочие, синяя куртка с отделкою блестящей ленты, фуражка в венке из густых листьев, ветка вместо палочки, находятся во главе шествия, подобно почтальонам или гарцуют вдоль дороги; никто не держится на стремени, ноги у одних раздвинуты, так как у лошадей широкие спины; другие сидят на седле, болтая ногами, как их можно встретить в сумерки на дорогах после работы.

Их громкие голоса передаются из одной деревни в другую.

Вот ещё *rozenland!* «страна роз!» говорят мальчики, когда их приближение вызывает удивление у собравшихся возле церкви; так как эти весёлые телеги подвергаются общему осуждению из-за припева баллады, которую товарищи поют только в тот день:

Nous irons au pays des roses,
Au pays des roses d'un jour,
Nous faucherons comme foin les fleurs trop belles
Et en tresserons des meules si hautes et si odorantes
Qu'elles éborgneront la lune

Et feront éternuer le soleil...¹

Сарабанды поглощаются у дверей кабаков.

«Страны роз» – название перешло с телег на людей, едущих в них, – заполняют залу, производя шум, точно, какой-то шабаш. При каждой остановке они наполняют пивом и сахаром огромную лейку и после того, как отвяжут её от ветвей, пускают её кругом, от одной парочки к другой.

Девушка в сопровождении своего кавалера первая прикасается губками к питью, затем с каким-то жестом, напоминающим героические времена, она сгибается, её обнажённая рука, почти такая же здоровая, как рука кавалеров этой компании, схватывает за край оригинального корабля, размахивает им, поднимает его над своей головой и, в конце концов, нагибает его к своему кавалеру.

Встав на одно колено, пьющий касается ртом крана и без отдыха пьёт со спокойным выражением лица, которое Бландина сравнивала невольно с экстазом причастников в большие праздники. Партии сопровождают всегда одним скрипачом или шарманщиком, которые не обращают внимания на мелодию и ритм, пиликают или дребезжат один и тот же танец исполняемый весельчаками в деревянных башмаках под один и тот же хор громких голосов:

Nous irons au pays des roses...

Крепостные рабочие обращаются в господ, а бедняки в богачей.

Заработная плата, полученная за весь год, позванивает о колонку в их глубоком кармане, точно в сеялке.

День попойки, день деревенской ярмарки, когда пастыри земли становятся революционерами! Тёплые утра возбуждают идиллии: грозные вечера подстрекают к кровопролитию!

Не без основания жандармы наблюдают издали за «странами роз».

Жандармы бледны и нервно дёргают свои усы, так как позднее, в час разгула, жестокие люди и ревнивцы покажут им, что такое кровь. Эти добряки, которые безумно чокаются, готовы из-за пустяка броситься друг на друга с кружками вина и подраться, как петухи. Желая обнять соседа, какой-нибудь восторженный кум, в конце концов, так тесно прижимает его к груди, что тот пугается и чуть не задыхается.

Не все эти гуляки так шумно выражают свою радость, но все напиваются. Они топят свои заботы в пиве и заглушают их в шуме. Они пьют: одни, чтоб забыться, может быть, чтобы заглушить сожаление о потерянном крове и близких лицах, с которыми они расстаются: другие, напротив, чтобы ознаменовать своё освобождение от прежнего ига, полные доверия, готовы приветствовать новый очаг.

Большинство рабочих сразу сходятся между собою и объясняются в любви тотчас же крестьянкам, нанятым вместе с ними.

Эти красивые работницы, эти безответные существа, которые утомились бы от обдумывания чего-либо, наслаждаются без всякой осторожности и удержки, доходя до полной распушенности, отдаваясь всем телом могучему очарованию отдыха, когда они свободны в словах, жестах и теле. Они отличаются неистовством собаки, которую выпускают на волю, головокружением птички, которую выпускают из клетки на волю; беспредельность их счастья делает его летучим вплоть до страдания. Нельзя понять минутами, плачут ли они или смеются до слёз, трепещат ли от радости или извиваются в конвульсивных муках?

¹ Мы отправимся в страну роз, однажды, в страну роз, мы срежем, как траву, красивые цветы и свяжем копны, столь высокие и пахучие, что они заслонят луну и заставят чихнуть солнце.

Путешествие бывает долгим, а день длинным, поэтому около полудня все останавливаются перед главным постоянным двором села и распрягают лошадей. Блузники усаживаются на скамейки большой залы, перед горячими блюдами. Но, несмотря на их внезапный голод и опьянение свободой, которая выдаёт себя в течение дня вызовами жестокой суровости по отношению к Богу, Богородице и святым, они всё же крестятся несколько раз, прежде чем приблизить к кушаньям свои широкие мозолистые руки.

Позднее Бландина отдавала точный отчёт всем этим чувствам и ощущениям, вспоминая о том, что она сама переживала и испытывала в один из этих несчастных дней св. Петра и Павла. Хотя ей было только тринадцать лет в то время, она была больше изнурена в родном доме, чем самая несчастная прислуга. Её мачеха, сжалившись неожиданно, или, может быть, желая унижить её, соединяя с работниками и наёмниками, позволила ей отправиться в одной телеге, нанятой в складчину обширной «страной роз». Маленькая девочка, розовая и полнощёкая, с глазами опалового оттенка, переходившего из небесного голубого до зелёного морёного, с благодарностью приняла участие в празднестве; хорошее восторженное настроение этих бедняков радовало и её; она чувствовала наивное удовольствие, взобравшись на колыхавшуюся и убранную цветами телегу, и выпивая подслащённого пива на остановках, указанных председателем телеги. Мужчины платили за пиво, а девушки за сахар; Бландина в свою очередь внесла свою долю на сахар. Она смеялась, пела и веселилась, как её товарищи и товарки. Не подозревая ничего дурного, она не пугалась вольностей, которые она допускала, точно это было вспархивание птиц в ветвях или танец насекомых при лучах солнца. В обеденный час она разделила обед с другими «rozenlands»; затем последовала за ними, увлекаемая их раздольем и ласками, чувствуя себя их маленькой подругой и не имея сил покинуть их.

Между тем, к вечеру усталость, изнеженность, смущение охватывали её. Поцелуи и объятия, которые она видела вокруг неё, внушали ей странные мечты. Ничто не пугало её. Она одобряла вполне всё, что происходило вокруг неё.

Ночь наступила. Никто больше не интересовался Бландиной. Каждая служанка была пристроена. Но Бландине надо было ещё подождать, по крайней мере, три сезона, чтобы какой-нибудь честный молодец обратил на неё внимание. Её очередь ещё придёт! Вот о чём говорят ей, с преждевременным вниманием, мимолётные, затуманенные, или блестящие взгляды и задеваемые её тела молодцов. Девочка видит в этих глазах и ощущает в этих телах только немного грубую симпатию, вот и только! Вокруг неё тепловатый воздух словно щекочет и колет согревшуюся кожу. Возбуждаемые в течение целых часов, жгучие желания празднующих людей усиливаются. Вскоре Бландина не будет больше помнить о последних выпивках и танцах, в которых она принимала участие. Впрочем, брожение здоровой молодости опьяняет её сильнее, чем аромат роз и подслащённое пиво. Почти в сомнамбулическом, полусознательном состоянии, она садится снова на «Rozenland» или сходит с неё вместе с другими; всё время повторяемый припев подходит к её состоянию полусна.

Между тем, телеги, с цветами и белым полотном, гораздо медленнее двигаются по деревне. Рабочие и работницы чувствуют, как по их затылку пробегает точно возбуждающий ветер равноденствия. Это тёплое дыхание парочек, опустившихся на скамейки позади их. Они вздыхают; они задыхаются. Девушка кончила тем, что заснула, убаюканная этой атмосферой, ещё сильнее действующей, чем нора сенокоса. Никто не предлагал ей проводить её домой, а ей надо было бы спуститься на землю и отправиться домой, в то время как другие и не думают о возвращении, и «страна роз» далека от последней остановки своего путешествия по кабакам. Для мужской половины настоящее веселье только началось.

Наконец, все присутствующие решили разбудить свою младшую подругу. Один из работников хотел указать ей дорогу и догнать «страну роз» на следующей остановке. Но девочка поблагодарила этого молодца. Напрасно он будет беспокоиться. Она одна прекрасно найдёт отцовскую хижину. Сколько раз в дни рынка она возвращалась гораздо позднее, и в какую

погоду и по каким дорогам! Любезный весельчак ограничивается только тем, что указывает ей ближайшую дорогу.

– Послушай, крошка, ты минуешь эту равнину, покрытую вереском, которая проходит справа налево; ты дойдёшь до сосновой роши, которую оставишь по правую руку...

Бландина вовсе не слушает его, его голос даже не доходит больше до неё, так как она удалилась скорым шагом. «Прощайте все!» – крикнула она им твёрдым голосом. Их ответ теряется среди щёлкания бича и грохота пускающейся в путь «страны роз».

Никогда Бландина не ощущала страха. К тому же в тот вечер, разве не всё кругом веселилось? Кто мог бы захотеть обидеть ребёнка?

Сейчас только, за столом, рассказывали, однако, об ужасных или печальных случаях. Таким образом, кто-то удивлялся, что некоторый Ариан, по прозвищу король веяльщиков, долгое время находившийся в услужении у приходского фермера, не принимал участия в веселье, на что один из товарищей отсутствующего оповестил общество, что молодец дурно себя вёл со времени последнего праздника, даже настолько дурно, что его хозяин не счёл нужным ждать нового праздника св. Петра или положенного срока и прогнал его. Несмотря на его способность, король веяльщиков был уволен за то, что конкурировал с хорьками, ласками и прочими любителями кур. Не найдя хозяина, к кому он мог бы поступить на место, разумеется, он должен был поместиться в каком-нибудь приюте, который предоставляет милосердно государство бродягам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.